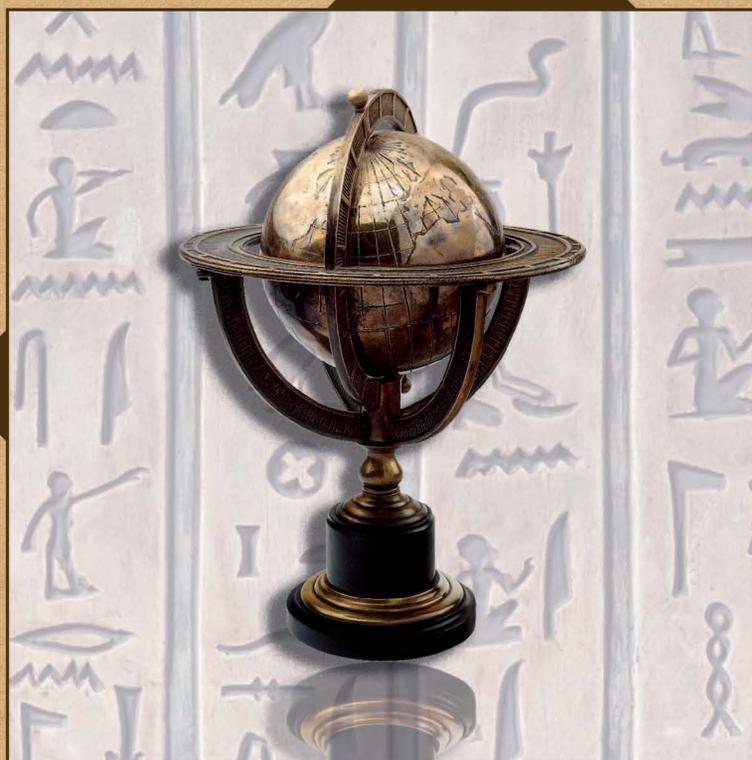

ЯПОНИСТИКА
ТЕОРИЯ ЯЗЫКА
СОЦИОЛИНГВИСТИКА
ИСТОРИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

В. М. Алпатов

PHILOLOGICA
STUDIA

В. М. Алпатов

ЯПОНИСТИКА
ТЕОРИЯ ЯЗЫКА
СОЦИОЛИНГВИСТИКА
ИСТОРИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

2-е издание

Издательский Дом ЯСК
Языки славянской культуры
Москва 2017

ББК 81
УДК 80/81
А 51

Алпатов В. М.

А 51 Японистика. Теория языка. Социоллингвистика. История языко-
знания. — 2-е изд. — М.: Издательский Дом ЯСК: Языки славянской
культуры, 2017. — 520 с. — (Studia Philologica.)

ISBN 978-5-94457-304-9

В данное издание включены работы лингвиста, члена-корреспондента РАН Владимира Михайловича Алпатова, написанные более чем за сорок лет. Они сгруппированы по основным темам его научной деятельности: это японский язык, теория языка, социоллингвистика, история науки. Книга рассчитана как на специалистов — лингвистов и востоковедов, так и на всех, кто интересуется многообразными проблемами, связанными с языком.

УДК 80/81
ББК 81

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-94457-304-9

9 785944 573049 >

© В. М. Алпатов, 2017
© Издательский Дом ЯСК, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
-------------------	---

Японистика

Курс лекций «Лексикология японского языка»	13
О соотношении исконных и заимствованных элементов в системе японского языка	85
О показателях множественности и категории числа в современном японском языке	96
Что такое прилагательное в японском языке?	107
Статус основных форм существования в японском языке	114
Падежное варьирование в современном японском литературном языке. ...	125
Вариативность японского языка в связи с типами языкового существования	134
Нестандартные видовые категории в современном японском языке	141
О психологической адекватности основных понятий европейской и японской лингвистической традиции	147
Сасими или сашими?	156
Есть ли в японском языке падежи?	164

Теория языка

О разных значениях термина «факультативность»	171
О двух подходах к выделению основных единиц языка	177
К типологической характеристике айнского языка	186
Об уточнении понятий «флективный язык» и «агглютинативный язык» ...	193
О разных подходах к выделению частей речи	202
Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку	215
Еще раз о флексии, агглютинации и изоляции	230
Прогностика и реконструкция	239
Структура устного и письменного текста	245
Проблема слова и психолингвистика	251

Социолингвистика

Литературный язык в России и Японии (опыт сопоставительного анализа).....	261
Норма языка в современной Японии	292
Американизация японского и русского общества по языковым данным. ...	304
Глобализация и развитие языков.....	314
К вопросу о языковых реформах.....	322
Массовое сознание и язык: Япония и Россия.	330
Стёб вчера и сегодня (размышления о статье Ю. Л. Воротникова)	346
К проблеме иерархии языков	353

История языкознания

О понятии слова в европейской и японской традициях	361
«Грамматика Пор-Рояля» и современная лингвистика (к выходу в свет русских изданий)	369
Махмуд Кашгарский и кокугакуся	382
Предварительные итоги лингвистики XX века	390
Некоторые заметки по истории лингвистики	397
Компаративистика, ее критики и герои.	404
Исследователи фактов и создатели теорий	419
Откуда происходят основные понятия языкознания?.....	428
Лингвистическое описание и языковая компетенция лингвиста.....	440
Лингвистика вчера и сегодня. Размышления над статьей К. Ф. Седова «Языкознание. Речеведение. Генристика».....	451
Особенности русской лингвистики	463
Два подхода к изучению языка	471
Литература	485
Summary	507

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящей книге собраны мои работы более чем за сорок лет моей научной деятельности: с 1975 г. до настоящего времени. Публикуется оставшийся в полном варианте неизданным курс «Лексикология японского языка», трижды прочитанный в Дальневосточном государственном университете (Владивосток) в 1975, 1978 и 1983 гг. Этот курс ранее издавался лишь в сильно сокращенном виде в 1981 г. под названием «Методические указания по курсу “Лексикология японского языка”». Впервые также печатается статья «Откуда происходят основные понятия языкознания?», написанная в 2010 г. Остальные статьи ранее публиковались в журналах и сборниках.

Набор статей отражает основные области моих исследований за прошедшие годы. Эти исследования могут быть сведены к четырем направлениям: японистике, общему языкознанию, социолингвистике, истории науки о языке.

Первоначально моей основной специализацией в Институте востоковедения РАН, с которым связаны 44 года моей жизни (1968–2012), было японское языкознание, которому были посвящены две первые мои книги, обе диссертации и ряд статей. До 80-х гг. я больше всего занимался вопросами японской морфологии. Разработка этих вопросов требовала обращения к общей теории языка и типологии, которым был также посвящен ряд моих публикаций. В 80-е гг., особенно после командировки в Японию в 1984–1985 гг., я также начал заниматься вопросами общественного функционирования языка в этой стране, а затем и взаимоотношениями японского языка и японской культуры. Наряду с этим я со второй половины 80-х гг. начал заниматься и социолингвистическими проблемами других стран, прежде всего СССР и современной России, и сопоставительными исследованиями в этой области, что также отражено в сборнике. Наконец, еще со второй половины 70-х гг. я начал заниматься изучением японской лингвистической традиции в сопоставлении с европейской и историей отечественных исследований японского языка. Затем эта тематика постепенно расширялась, с одной стороны, в сторону охвата различных лингвистических традиций, с другой — в сторону изучения всей истории языкознания в разных странах, прежде всего в России и СССР. Однако ввиду ограниченности объема сборника в него включены лишь публикации, связанные с историей научных идей и направлений. Политическая история науки в нашей стране, отраженная в ряде книг и статей, здесь не получила

отражения: это особая тема. Поэтому статья «Исследователи фактов и создатели теорий» включена в сборник в сокращенном виде.

При разбросе тематике публикуемых статей, они (по крайней мере, большинство из них), как мне кажется, имеют некоторый общий стержень. Когда я начал работать в лингвистике, приоритетным считалось рассмотрение ее объекта, языка, с позиции извне. Исследовательские процедуры принципиально строились без учета того, как пользуется языком говорящий на нем человек. Долгое время принимая постулаты структурализма, я уже тогда заинтересовался вопросом, почему японская традиция выделяет звуки и слова не так, как это делают начиная с античности в Европе. На этот вопрос не мог ответить структурный подход. Мне понадобился сопоставительный анализ различных лингвистических традиций (в первую очередь, европейской и японской), а также национальных вариантов европейской традиции (прежде всего, русскоязычного и англоязычного). Этот анализ показывал и их сходство, обусловленное общими свойствами человеческого языка, и различия, связанные с разным строем базовых языков традиции; могли играть роль и культурные факторы. Столкнувшись с многочисленными и противоречивыми друг другу определениями слова и частей речи, я пришел к выводу, что эти два базовых понятия, всегда, но по-разному отражаемые в лингвистических традициях, являются не чисто лингвистическими, а психолингвистическими понятиями, отражающими строение языкового механизма человека. Активно развивающиеся в последнее время психолингвистические и нейролингвистические исследования, как мне кажется, это подтверждают. Важно принимать во внимание и социальные и культурные факторы, также требующие сопоставительного изучения. Еще одна тема, проходящая через ряд статей, — общие закономерности и этапы развития мировой науки о языке; показано, что современный этап характеризуется как раз стремлением к изучению функционирования языка, использования его человеком.

В сборник включены статьи разных лет, за это время точки зрения автора по тем или иным вопросам могли меняться. Ср., например, трактовку японских прилагательных в курсе лексикологии и в статье «Что такое прилагательное в японском языке?». В статьях 80–90-х гг. я исходил из того, что, как сказано в статье «О двух подходах к выделению единиц языка», психолингвистический механизм един для носителей любого языка. Сейчас же (см. статьи «Проблема слова и психолингвистика» и «Особенности русской лингвистики») я пришел к выводу о том, что морфологический его компонент не столь универсален. Иногда в разное время я предлагал разные подходы к одному и тому же явлению; так произошло, например, в статьях «Об уточнении понятий “флективный язык” и “агглютинативный язык”» и «Еще раз о флексии, агглютинации и изоляции». К сожалению, включенные в сборник статьи в некоторых пунктах повторяют друг друга. Однако все публикуемые работы, кроме статьи «Исследователи фактов и создатели теорий», печатаются без содержательных изменений. Но произведена унификация транскрипций. В частности, в примерах из японского языка в разных публикациях использовались разные транскрипции,

в том числе русская транскрипция Е. Д. Поливанова и латинская фонематическая транскрипция С. А. Старостина. Однако в целях единообразия во всем тексте теперь избрана наиболее стандартная и принятая в разных странах латинская транскрипция Хэпбёрна. Она обладает существенными недостатками, которые обсуждаются в статье «Сасими или сашими?», но, по-видимому, в целях унификации иного выхода нет. Кроме того, содержащиеся в статьях ссылки на те или иные работы объединены в общую библиографию и введены перекрестные ссылки на статьи, публикуемые в данном издании. Статьи распределены по четырем разделам, в пределах каждого раздела они расположены в хронологическом порядке.

В. М. Алпатов

— ЯПОНИСТИКА —

КУРС ЛЕКЦИЙ «ЛЕКСИКОЛОГИЯ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА»

Данное учебное пособие составлено на основе курса лекций, прочитанного в Дальневосточном государственном университете в 1975 г. Оно рассчитано на студентов-японистов, прошедших курс японского языка в объеме стандартного учебника. В пособии излагаются вопросы лексикологии японского языка. В то же время, поскольку для понимания этих вопросов необходимо иметь представление об общих проблемах лексикологии, которые недостаточно освещаются в курсе «Введение в языкознание», в пособии освещается и общелексикологическая проблематика. Вопросы лексикологии иллюстрируются в основном примерами из японского языка, однако для лучшего понимания ряда положений привлекаются и примеры из других языков, в первую очередь русского.

Задача данного курса — дать возможность студентам-японистам рассматривать японскую лексику в более широкой перспективе, связать вместе изучаемые факты языка, лучше уметь пользоваться словарями. В пособии также говорится об особенностях японского языка и его отличиях от русского и других языков.

В связи с ограниченным объемом пособия в нем не даются ссылки на литературу по общему и японскому языкознанию, материал которой в нем используется; наиболее важные книги и статьи включены в список рекомендуемой литературы. Наряду с опубликованной литературой, нами использованы материалы неопубликованного курса А. А. Пашковского по японской лексикологии, читавшегося в ИСАА при МГУ, а также кандидатские диссертации Т. И. Корчагиной и Е. В. Струговой.

§ 1. Предмет и задачи лексикологии

Предмет нашего курса — лексикология японского языка. Прежде чем заниматься ее конкретными вопросами, нам необходимо выяснить, что такое лексикология, какими вопросами и в каком аспекте она занимается.

Термин «лексикология» происходит от сочетания двух греческих слов: *лексис* ‘слово’ и *логос* ‘слово, учение’, то есть лексикология — учение о слове. Однако, как мы увидим дальше, не всё, относящееся к слову, изучается лексикологией: словом занимаются и другие разделы языкознания, прежде всего грамматика. Обычно

лексикологию определяют как раздел языкознания, изучающий словарный состав языка. Однако само понятие словарного состава, так же как и понятие слова, достаточно неопределенно. Для уточнения этих понятий и более точного выяснения того, чем занимается лексикология, необходимо кратко выяснить некоторые общие понятия языкознания.

Язык — это система знаков, обозначающих объективную действительность, служащая средством общения людей. С точки зрения своего строения язык — сложная система, состоящая из единиц разной протяженности: фонем, морфем, слов, предложений (в следующем параграфе мы более подробно остановимся на характере некоторых единиц языка). Каждая единица языка, за исключением элементарных единиц — фонем и сем (о семмах см. § 4), состоит из единиц низшего ранга, соединенных по определенным правилам, причем свойства языковой единицы — не простая сумма свойств единиц низшего ранга: каждая единица языка имеет свои специфические свойства. Единицы языка, начиная от морфемы (морфема и более протяженные), обладают двумя основными характеристиками. Первая из них — форма, т. е. строение языковой единицы из единиц низшего ранга. Вторая характеристика — значение, на ней мы должны остановиться подробнее.

Как мы уже говорили, одна из основных целей языка — передавать информацию о внеязыковой действительности. В различных единицах языка: морфемах, словах, предложениях и др. — содержится какая-то часть этой информации (как мы увидим далее, единицы языка могут передавать и другую информацию, но язык прежде всего существует для передачи информации о внеязыковой действительности). Несколько огрубляя реальное соотношение, можно сказать, что информация, содержащаяся в единице языка, и составляет значение этой единицы.

Отметим, что эта информация может передаваться по-разному. Когда мы говорим *А. С. Пушкин, автор «Евгения Онегина», основатель новой русской литературы*, мы имеем в виду одно и то же лицо, однако это лицо именуется по-разному. Это происходит потому, что в значении языковой единицы могут отражаться различные стороны объективной действительности. Как известно, любой предмет «имеет бесконечное количество других свойств, качеств, сторон, взаимоотношений и “опосредствований” со всем остальным миром» [Ленин 1961: 289]. В значении языковой единицы, обозначающей предмет, свойство или отношение, не может быть отражена вся эта бесконечность сторон и взаимоотношений, в них могут отражаться лишь некоторые из них, причем в одном случае могут быть отражены одни стороны, а в другом — другие (ср. *автор «Евгения Онегина» и основатель новой русской литературы*), могут быть и единицы, прямо не отражающие каких-либо свойств предмета или явления, а лишь указывающие на него (ср. *А. С. Пушкин*).

Таким образом, мы имеем, во-первых, некоторый факт реальной действительности (предмет, явление), во-вторых, некоторую единицу языка, в-третьих, значение языковой единицы, т. е. некоторое представление о данном факте, содержащееся в данной единице.

Из этих трех величин первичен факт действительности, однако значение обладает определенной независимостью. Это видно из того, что в ряде случаев значение может существовать и тогда, когда факта действительности нет. В самом деле, мы в равной степени можем говорить об авторе «Евгения Онегина», лице, реально существовавшем, и о самом Евгении Онегине, которого на самом деле не было: мы можем говорить о мифологических и фантастических существах (Зевс, русалка, каппа), о гипотетических понятиях, нереальность которых доказана наукой (теплород, флогистон). Ясно, что вопрос о существовании и несуществовании того или иного предмета или явления решается не языкознанием, а другими науками; для языковеда важно лишь то, что соответствующие им языковые единицы имеют некоторое значение, отношение языковой единицы и ее значения существенно не меняется, независимо от того, существует или нет обозначаемый факт в действительности.

Существуют и некоторые другие классы единиц, значение которых прямо не связано с фактами действительности. Некоторые единицы обозначают не сами эти факты, а отношение к ним говорящего, ср. русские *возможно*, *вероятно* или японские *tabun*, *osoraku*, где отражается степень реальности некоторого факта (обозначенного другими единицами языка) с точки зрения говорящего. Такой тип значения мы будем называть *модальным*. Наконец, значение некоторых единиц состоит в указании на отношение между самими единицами языка. Например, значение японской единицы *ga* состоит в указании на то, что некоторая единица, к которой примыкает *ga*, является подлежащим и имеет синтаксическую связь с другой единицей, являющейся сказуемым. Такого рода значения мы будем называть *синтаксическими*.

Значения единиц, которыми занимается лексикология, в первую очередь слова, часто сближают с понятиями. Действительно, понятие — мысль о предмете, свойстве или отношении, выделяющая в нем существенные признаки, оно имеет языковую форму; значение также выделяет в предмете, свойстве или отношении существенные признаки. Однако значение и понятие не следует отождествлять. Прежде всего, понятие, хотя и имеет языковую форму, едино, независимо от того, на каком языке оно сформулировано, значение же зависит от того, к какой языковой системе принадлежит данная единица (ср. русское *вода*, в значение которого не входит указание на температуру, и соответствующие японские *mizu* и *yu*, обозначающие соответственно холодную и горячую воду, подробнее см. об этом § 14). Кроме того, понятие о некотором предмете или явлении природы едино в данный момент времени (оно лишь может изменяться с развитием науки), тогда как значений, связанных с данным предметом или явлением, может быть много (см. выше). С другой стороны, при изменении понятия может не происходить изменения значения соответствующей языковой единицы: вряд ли значение слов *вода* или *mizu* изменилось после того, как носители данных языков узнали химическую формулу воды; значение может со временем стать противоречащим понятию: ср. *восход солнца* или *hi no de*, существующие в современных языках, хотя в понятиях отражено,

что движется не солнце, а Земля. В значениях отражена не строго научная, а «наивная» картина мира (ср. толкования слов в толковых и энциклопедических словарях, см. § 15). Ближе всего к понятиям находятся термины, недаром они, как правило, не имеют синонимов, и во многих науках наблюдается тенденция к созданию интернациональной терминологии.

Из всего сказанного ясно, что языкознание, в том числе лексикологию, прежде всего интересуют единицы языка и их значения; вопрос о связи значений и реальных предметов и явлений изучается другими науками, в частности вопрос о правильности терминологии какой-либо науки изучается данной наукой, а не языкознанием. Обращаться непосредственно к предметам действительности нам придется лишь в отдельных случаях: для определения границ синонимии, а также при изучении исторического развития слов.

Более детально изучая значения единиц языка, можно видеть их неоднородность, для примера возьмем японскую фразу *Untenshu ga jidoosha o ugokasu* 'Водитель двигает автомобиль'. Здесь можно выделить следующие значимые единицы: морфемы *un, ten, shu, ga, ji, doo, sha, o, ugok, as, u* (мы не имеем возможности здесь обосновывать именно такое членение на морфемы) и их последовательности: *unten, untenshu, untenshuga, jidoo, jidoosha, jidooshao, ugokas, ugokasu* (а также предложение в целом, которое мы не рассматриваем). Из них *unten, untenshu, untenshuga, jidoo, jidoosha, jidooshao, ugokasu* могут быть самостоятельными членами предложения, остальные единицы лишены этого свойства. Первые два члена предложения делятся прежде всего на две части: первая из них (*untenshu, jidoosha*) может употребляться самостоятельно и имеет более конкретное значение, связанное с передачей внеязыковой действительности, вторая часть (*ga, o*) не употребляется самостоятельно и имеет синтаксическое значение (см. выше). В последовательности *ugokasu* хотя ни одна из частей не употребляется самостоятельно, но по сходству значения и здесь можно выделить части *ugokas* и *u*, последняя часть имеет не только синтаксическое значение (здесь также присутствуют значения времени и модальности), однако синтаксический компонент значения здесь присутствует тоже (*u* указывает на позицию заключительного сказуемого или определения). Единицы, подобные *ga, o, u*, мы будем называть *реляционными*.

Последовательности *untenshu, jidoosha* можно в свою очередь разделить на две части, первая из которых (*unten, jidoo*) способна к самостоятельному употреблению и имеет более конкретное значение, вторая часть (*shu, sha*) не употребляется самостоятельно и имеет не синтаксическое, но достаточно абстрактное значение: присоединяясь к последовательностям со значением действия или признака, *shu* придает целому значение лица, производящего данное действие или обладающего данным признаком; *sha* обладает значением «нечто движущееся». Последовательность *ugokas* мы можем также разделить на две части: *ugok* и *as*. Хотя *ugok*, в отличие от *unten* или *jidoo*, и не может употребляться самостоятельно, можно видеть, что *ugok* относится к тому же классу единиц, что *unten* и *jidoo*, а *as* — к тому же классу, что *shu* и *sha*; значение *as* — указание на то, что некоторое действие (в данном случае

движение) совершает не лицо, обозначенное подлежащим, это лицо заставляет совершать действие другое лицо или предмет. Единицы, подобные *unten*, *jidoo*, *ugok*, а также их значимые части (*un*, *ten*, *ji*, *do*) мы будем называть корневыми, а единицы типа *shu*, *sha*, *as* — деривационными. Последовательности, состоящие из корневых и деривационных единиц, называется основами.

Корневые, деривационные и реляционные единицы, как уже сказано, различаются по значению. Однако это различие не абсолютно. Некоторые значения могут выражаться только лексическими элементами: таковы значения имен конкретных предметов типа «стол», «книга» или имен собственных; другие значения могут выражаться только реляционными элементами (синтаксические значения). Однако многие значения могут выражаться в разных языках и даже в одном и том же языке по-разному, ср. *домик* и *маленький дом*, где значение уменьшительности выражено по-разному: в первом случае деривационным, во втором случае корневым элементом, или яп. *hito* 'человек', где в корне выражено значение, аналогичное значению деривационных единиц типа *sha* или *shuu*; значение предположительности в японском языке может выражаться как корневыми элементами типа *tabun*, так и реляционными элементами в формах предположительного наклонения, в русском языке данное значение выражается только корнями слов типа *возможно*, *вероятно* и др. Поэтому разграничение корневых, деривационных и реляционных элементов часто связано с трудностями.

Данные классы единиц имеют и другие различия, на основе которых их можно разграничить более четко. Число корневых единиц каждого языка практически бесконечно, мы не можем их перечислить полностью (даже самые полные словари не включают в себя какие-то единицы). Число деривационных и реляционных единиц сравнительно невелико, мы их можем полностью перечислить. Реляционные единицы отличаются от остальных своей регулярностью: мы их можем присоединять к любой или почти любой основе определенного класса. Например, показатель *ga* и *o* мы можем присоединять к любому имени, а показатель *u* — почти к любой глагольной основе. Сочетаемость деривационных единиц более ограничена; мы можем сказать *ugokasu* 'заставить двигаться, двигать', *nomasu* 'заставить пить, поить', но в значении 'заставить читать' мы не можем употребить *yomasu*, а в значении 'заставить писать' — *kakasu* (для передачи этих значений мы должны сказать *yomaseru*, *kakaseru*, см. ниже). Для обозначения водителя мы можем сказать *untenshu*, *untensha*, но не *untenka*, в то же время 'капиталист' будет по-японски *shihonka*, а не *shihonshu* или *shihonsha*. С какими корнями сочетается какой деривационный элемент, мы не можем предсказать, исходя из значения этого элемента; какова эта сочетаемость, мы должны запоминать в каждом конкретном случае; то же относится к сочетаниям корней между собой.

Разберем еще один подкласс элементов. В значении 'двигать' можно сказать не только *ugokasu*, но и *ugokashimasu*, где имеется дополнительный элемент *imas*, значение которого — вежливость к собеседнику. Это *imas* не относится к элементам с синтаксическим значением: само по себе оно никак не указывает

на синтаксические связи данного глагола. Однако *imas* отличается регулярностью: оно может присоединяться к любой глагольной основе. Кроме того, в значении 'двигать' можно сказать и *ugokaseru*, где показатель *ase* имеет то же значение побудительности, что и у *as* в *ugokasi*, однако *ase* (или его вариант *sase*) можно присоединить почти к любой глагольной основе, почему и принято только в этом случае говорить об особом побудительном залоге (тогда как *ugokasi* считается особым глаголом). Учитывая их регулярность, мы будем такие единицы, как *imas*, *ase*, также относить к реляционным.

Теперь мы можем более четко определить границы лексикологии. Лексикология — область языкознания, занимающаяся корневыми и деривационными единицами: их значениями и способами их соединения. Реляционными единицами и способами их соединения с основами лексикология не занимается, их изучает грамматика.

§ 2. Основные единицы лексикологии

Чтобы окончательно определить предмет и задачи лексикологии, необходимо остановиться на основных единицах лексикологии, прежде всего на том, что такое слово.

Это понятие на первый взгляд кажется очевидным, однако попытки определить, что такое слово, показывают, что понятие слова одно из самых сложных в языкознании. Это связано, в частности, с тем, что термином «слово» называют несколько часто совпадающих между собой, но всё же различных единиц. Этих единиц можно выделить по крайней мере четыре, из них лишь одна изучается в лексикологии.

Первое понятие — понятие фонетического слова. Именно в этом смысле термин употребляется тогда, когда говорят, что слово имеет одно ударение или внутри слова нельзя сделать паузу. Эти два фонетических признака являются основными при выделении фонетического слова; они могут давать разные результаты, но в целом членение на фонетические слова достаточно четко. Полученные единицы далеко не всегда совпадают со словами в привычном для нас понимании; например, служебные слова с фонетической точки зрения не будут словами, а будут частями слов, иногда частями фонетического слова могут быть и знаменательные слова. Членение на фонетические слова несоотносимо с выделением корневых, деривационных и реляционных элементов. Отсюда ясно, что фонетическое слово не является единицей, изучаемой лексикологией.

Второе понятие — понятие синтаксического слова. Именно эту единицу имеют в виду, когда говорят, что предложение состоит из слов. Это та единица, которая может составить предложение или быть его частью. Часто эта единица совпадает со словом в обычном понимании, но это бывает не всегда: служебные слова также — не слова в этом понимании. В состав синтаксического слова входят

корневые, деривационные и реляционные элементы, причем характер синтаксического слова определяется его реляционными элементами (а также его порядком в предложении и др.), поэтому данная единица также не изучается лексикологией, ее исследует раздел грамматики — синтаксис. В дальнейшем для того, чтобы отличать синтаксическое слово от слова в другом понимании, мы будем называть эту единицу не словом, а *синтаксемой*.

Третье понятие — грамматическое слово, т. е. последовательность морфем, определенным образом организованная: в его состав входят корневые и деривационные единицы, а также те реляционные единицы, которые наиболее тесно связаны с основой и не могут быть легко от нее отделены; эти реляционные единицы принято называть аффиксами словоизменения. Реляционные единицы, менее тесно связанные с основой (в частности, способные отделяться от нее другими основами), в состав грамматического слова не входят; принято считать, что они сами являются словами; именно их называют служебными словами. Именно грамматические слова (а не фонетические и не синтаксические) и есть те единицы, которые во многих языках (например, во всех современных европейских) отделяются друг от друга пробелами. В частности, служебные слова являются словами только в этом смысле. Любые две последовательности, различаемые каким-нибудь одним из составных элементов, являются разными грамматическими словами. Например, *дом, дома, доме* — разные грамматические слова, так же как и *ugoku, ugoita, ugoite*. В дальнейшем для отграничения грамматического слова от других единиц мы будем называть его словоформой.

Словоформы по-разному выделяются в разных языках. Для европейских языков именно словоформы — наиболее четко определенные единицы, недаром именно они выделяются на письме, в японском языке словоформы, наоборот, выделяются труднее всего (показательно, что если японские тексты иногда и имеют пробел, то им отделяются не словоформы, а синтаксемы): по этому вопросу в европейской японистике нет единства, а японская наука вообще не выделяет эти единицы.

Однако, как ни важен вопрос о выделении словоформ, этот вопрос не имеет отношения к лексикологии, поскольку он в основном сводится к вопросу о выделении двух классов реляционных элементов (аффиксов словоизменения и служебных слов), а лексикология отвлекается от реляционных элементов. Словоформы изучает не лексикология, а грамматика, прежде всего тот ее раздел, который принято называть морфологией.

Четвертое понятие, самое для нас важное — лексическое слово. Именно эта единица имеется в виду, когда говорят, что слово выражает понятие; именно эти единицы (не всегда последовательно) фиксируют в словарях.

Важно понять, чем лексическое слово отличается от единиц, о которых мы говорили выше, прежде всего от грамматического слова, с которым его чаще всего смешивают. Как уже было сказано, *дом, дома, дому...* или *ugoku, ugoita, ugoite...* — разные словоформы. Однако достаточно ясно, что члены каждого из этих рядов

тесно связаны друг с другом; это объясняется общностью корневых элементов. Такие же ряды мы можем выделить и при наличии деривационных элементов: *домик, домика, домику...* или *ugokasu, ugokashita, ugokashite...* С точки зрения передачи основного значения — информации о внеязыковой действительности — все члены ряда одинаковы, они различаются лишь абстрактными значениями реляционных элементов. Лексикология отвлекается от этих различий, с точки зрения лексикологии здесь *представлена* одна и та же единица — лексическое слово или лексема.

Вопрос о границах лексем может решаться по-разному. Можно считать, что лексема состоит из одного или нескольких корневых элементов вместе с примыкающими к ним деривационными, то есть лексема равна основе. Такая точка зрения принята в японской науке. Однако в европейской (в частности, в советской) науке этот вопрос обычно решается по-другому: считается, что лексема равна словоформе, но словоформе, взятой в отвлечении от своей реляционной части: *дом, дома, дому...* или *окно, окна, окну...* относятся к одной и той же лексеме. Такая точка зрения связана с тем, что в таком языке, как русский, словоформа четко выделяема, а основу выделить значительно труднее. В японском языке, как мы уже говорили, словоформа выделяется с трудом, и границы ее неочевидны, тогда как границы основы (исключая глагол) достаточно ясны.

С этим вопросом связан другой, чисто практический: какие единицы записывать в словаре. В любой словарь, как правило, заносятся лексемы, отдельные словоформы включаются в целях практического удобства лишь в некоторых случаях, обычно тогда, когда разные словоформы одной лексемы слишком отличаются друг от друга (например, в словарь обычно заносят формы прошедшего времени неправильных глаголов английского или немецкого языка). В случае если лексема приравнивается к основе, она записывается в словаре в виде основы (отметим, что в японской традиции здесь нет противоречия: по ряду причин, главная из которых — отказ от проведения границ между значимыми единицами внутри слога, для японской традиции *юта, юти, юте* — нечленимые по значению последовательности). Если лексема приравнивается к словоформам, то в словарях она записывается в виде одной из словоформ: например, для русского языка имена в форме именительного падежа единственного числа, глаголы в неопределенной форме. Отметим, что для японского языка, несмотря на разный взгляд ученых на лексему, существует единая традиция подачи лексем в словаре, соблюдаемая как в Японии, так и за ее пределами.

По-видимому, обе точки зрения на границы лексем правомерны, хотя для конкретного языка в зависимости от его особенностей может быть более оправданной та или другая из них. В дальнейшем мы не будем делать различия между этими подходами, а лексем мы называть так, как это обычно принято в словарях: для японского языка имена в виде основы, а глаголы и предикативные прилагательные — в форме настояще-будущего времени.

Лексема — основная единица лексикологии, именно лексема, как правило, имеет соотнесенность с понятием, о которой мы говорили в § 1. Хотя лексема

может члениваться на более мелкие значимые единицы — морфемы, она обладает единым значением, непосредственно соотносящимся с внеязыковой действительностью. Хотя яп. *untenshu* и его русский эквивалент *водитель* члениятся на морфемы, его обозначаемым является класс людей, причем никакая часть этого класса не может обозначаться ни одной из составляющих морфем, ср. также *водитель* и *шофер*, лексемы с близким значением, хотя первая из них членима на морфемы, а вторая состоит из одной морфемы (если отвлечься от нулевого падежного показателя). Значение лексемы, как правило, не равно сумме значений входящих в ее состав морфем (это свойство называется идиоматичностью): *jidoosha* — не всякое самостоятельно двигающееся средство передвижения, а автомобиль, *untenshu* — не всякое лицо, приводящее в движение некоторый предмет, а водитель и т. д. Значение лексемы, как правило, сохраняется при вхождении ее в состав более крупных единиц (исключение составляет случай фразеологизма, см. ниже), значения же отдельных морфем поглощаются значением лексемы в целом. Таким образом, лексема играет очень большую роль в человеческом общении.

Укажем на то, что во введенном здесь понятии лексемы фактически содержатся два разных понятия. Известно, что слова (лексемы) многозначны. Вопросы многозначности будут разобраны в § 9, однако важно отметить, что часто словом или лексемой называют как единицу, имеющую одно значение, так и всю совокупность единиц, одинаковых по форме и связанных между собой по значению. Мы в первом случае будем говорить о лексеме, во втором — о вокабуле. Термин «лексема» будет употребляться и в тех случаях, когда противопоставление лексемы вокабуле будет для нас несущественно. Термин «слово» в дальнейшем будет употребляться только как синоним термина «лексема», в других случаях мы будем употреблять другие термины («синтаксема», «словоформа», «вокабула», о фонетическом слове мы больше нигде говорить не будем).

Можно сказать, что лексикология в узком смысле слова исследует лексемы и вокабулы с точки зрения их значения. Этот раздел языкознания исследует структуру значения отдельных лексем, а также отношения между лексемами: проблемы классов лексем, синонимии, антонимии, омонимии, многозначности и др.

Но лексемы могут состоять из более мелких значимых единиц — морфем и последовательностей морфем. Значением этих более мелких единиц, а также правилами их соединения для образования лексем занимается особый раздел языкознания, именуемый словообразованием (о многозначности термина «словообразование» см. § 10). Словообразование тесно связано с лексикологией в узком смысле слова, поэтому следует считать, что словообразование входит в состав лексикологии в более широком понимании этого термина.

Содержание лексикологии в широком понимании этим не исчерпывается. Возьмем последовательности типа *бить баклуши* или яп. *seiben o tsukeru* 'захватить инициативу'. По своей форме они представляют собой последовательности синтаксем (словосочетания), ср. *бить противника* или *jidoosha o tsukeru* 'остановить автомобиль (около чего-либо)'. Однако по значению (если исключить значение

реляционных элементов) данные последовательности неразложимы, здесь имеет место идиоматичность. Хотя по формальным признакам мы не можем здесь считать их единичными лексемами, по значению данные последовательности ничем не отличаются от лексем. Следовательно, изучение значения таких единиц также относится к лексикологии. Эти единицы называются фразеологизмами, а раздел языкознания, их изучающий, — фразеологией. Фразеология исследует фразеологизмы лишь с точки зрения их значения, по форме они ничем не отличаются от сочетаний синтаксем, не обладающих идиоматичностью, и вместе с последними изучаются в синтаксисе.

Таким образом, лексикология в широком смысле слова состоит из трех дисциплин: лексикологии в узком смысле слова, изучающей значение лексем, словообразования, изучающего строение лексем и значение их составных частей — морфем и последовательностей морфем, и фразеологии, изучающей значение сходных с лексемами более крупных последовательностей — фразеологизмов. Лексемы и фразеологизмы вместе составляют лексику языка.

Можно видеть, что лексикология в основном занимается значением единиц языка (или, что то же самое, их семантикой; последний термин удобен тем, что от него может быть образовано прилагательное «семантический»). Лишь словообразование частично занимается вопросами формального строения единиц языка.

В следующих семи параграфах мы будем говорить о проблемах, связанных с лексикологией в узком смысле термина, § 10 будет посвящен словообразованию, § 11 — фразеологии. Последние параграфы будут посвящены лексической системе языка в целом.

§ 3. Классификация лексем

Лексемы каждого языка составляют очень сложную систему и могут быть классифицированы по разным признакам, формальным и семантическим.

Наиболее известной из классификаций, основанных в первую очередь на формальных признаках, является классификация по частям речи. Хотя по частям речи обычно классифицируют словоформы, это деление имеет важное значение и для лексем, причем деление на части речи словоформ и лексем (даже если считать последние равными основам) оказывается, как правило, аналогичным (кроме того, что при классификации словоформ могут члениться и служебные слова, тогда как при классификации лексем подобные классы не выделяются).

Выделение частей речи в первую очередь основано на признаках, лежащих вне лексикологии — на сочетании лексем с теми или иными реляционными элементами (аффиксами словоизменения и служебными словами) или на синтаксических функциях синтаксем, в состав которых входят данные лексемы. Однако принадлежность к части речи сказывается и на внутренней структуре лексем, в состав которых могут входить деривационные элементы, специфические для

данной части речи (например, упоминавшиеся показатели лица в японском языке *sha, shu* и др. специфичны для имени, а показатель побудительности *as* — для глагола). Но даже если отвлечься от того, что принадлежность лексемы к части речи связана с ее словообразовательными характеристиками, деление на части речи должно учитываться в лексикологии, поскольку принадлежность к части речи — явно одна из самых важных характеристик лексемы. Недаром в любых словарях дается информация о принадлежности той или иной лексемы к части речи.

Выше было сказано, что части речи выделяются по грамматическим признакам. Однако выделение частей речи определенным образом связано со значением лексем. Например, в любом языке лексика, обозначающая конкретные предметы, относится к именам, а типичным (хотя часто не единственным) средством обозначения действий являются глаголы. Однако полного совпадения между семантической классификацией и делением на части речи нет. Например, если мы возьмем русские лексемы *приезжать* и *приезд*, мы вряд ли сможем увидеть в них какую-либо разницу в значении (если, естественно, отвлечься от значения реляционного элемента, входящего в состав *приезжать*). Тем не менее ясно, что *приезжать* — глагол, а *приезд* — имя (существительное). Различие их связано с тем, что они по-разному сочетаются с реляционными элементами (как с аффиксами, так и со служебными словами) и образуют разного типа синтаксемы (например, синтаксема *приезд* не может быть сказуемым, а синтаксемы *приезжаю, приезжает* и т. д. могут).

Хотя мы в лексикологии и отвлекаемся от реляционных элементов, но мы не можем отвлечься от различий, например, между глаголом и именем со значением действия, поскольку эти две единицы не только по-разному соединяются с грамматическими элементами, но и по-разному сочетаются с другими лексическими единицами в составе предложения. Поэтому нам следует остановиться на выделении частей речи в японском языке.

На материале европейских языков давно выработана система частей речи, хорошо известная по школьным учебникам. В соответствии с ней (если исключить классы служебных слов) выделяются такие части речи: существительное, прилагательное, числительное, местоимение, глагол, наречие, а также междометие. Такая схема применялась к различным языкам мира, в том числе к японскому. Однако для японского языка эта классификация связана с трудностями. С одной стороны, если во многих европейских языках местоимения и числительные имеют формальные особенности, отличающие их от других частей речи (ср. особенности согласования с числительными в русском языке, сохранение склонения местоимений при полной или почти полной его утрате для существительных в английском или французском языке), то в японском языке местоимения и числительные могут быть выделены в особые классы лишь по значению, но таким же образом могут быть выделены и другие классы, не именуемые частями речи (см. ниже). С другой стороны, вне классификации оказываются слова типа *aru* 'некоторый', *iwayuru* 'так

Научное издание

Владимир Михайлович Алпатов

ЯПОНИСТИКА. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
СОЦИОЛИНГВИСТИКА. ИСТОРИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

2-е издание

Корректор О. Круподер
Ведущий редактор В. Столярова
Оригинал-макет подготовлен Е. Морозовой
Оформление переплета И. Богатыревой

Подписано в печать 15.11.2017. Формат 70х100/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Minion.
Усл. печ. л. 41,92. Тираж 300. Заказ №

Издательский Дом ЯСК
№ госрегистрации 1147746155325
Языки славянской культуры
№ госрегистрации 1037739118449.
Phone: 8 (495) 624-35-92 E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

ООО «ИТДГК «Гнозис»»
Розничный магазин «Гнозис» (с 10:00 до 19:00)
Турчанинов пер., д. 4, стр. 2. Тел.: +7 499 255-77-57
itdgkgnosis@gmail.com

Оптовый отдел
Ул. Бутлерова, д. 17Б, оф. 313. Тел.: +7 499 793-58-01
sales@gnosisbooks.ru
www.gnosisbooks.ru, vk.com/gnosisbooks